

**МОТИВ КНИГИ, КНИЖНОСТИ И ДВОЙСТВЕННОСТИ ДУШИ
(ФРАГМЕНТ Б. ФРАНКА «ШАМФОР РАССКАЗЫВАЕТ О СВОЕЙ
СМЕРТИ»¹)**

Работа Б. Франка над романом о Николя Шамфоре была прервана смертью автора в июне 1945 года. Писатель успел лишь провести предварительные исследования и создать фрагмент в несколько страниц. Действие романа начинается в ночь на первое января 1794 года, через семь недель после того, как Шамфор, не желая подчиняться приказу о своём втором аресте, пытается покончить жизнь самоубийством. Попытка провалилась, и врачам удаётся поддерживать жизнь писателя, однако сам Шамфор чувствует, что организм его непоправимо повреждён и что дни его сочтены. В последние месяцы своей жизни герой отказывается от писательства, однако теперь меняет своё решение и решает создать автобиографию.

Изначально (в 1943 году) Б. Франк задумывал произведение о первых десятилетиях французской Реставрации, привлекавших внимание автора как момент столкновения старого и нового миропорядка и как эпоха, в которой сам Б. Франк усматривал сходство с современным ему миром [1: 331]. Отказавшись затем от идеи писать роман о Реставрации и перенеся действие на несколько десятилетий раньше, автор не отступает от своего первоначального плана сосредоточиться на состоянии пороговости, переходности эпохи [1: 331]. Живым воплощением переходности, точкой, в которой пересекается старое и новое время, оказывается писатель Николя Шамфор. В посвящении Б. Франк поясняет: «Рождённый при Людовике XV и странным образом окончивший свою жизнь в дни революции, он был человеком двух сфер, двух эпох. По организации своей нервной системы и своим предрасположенностям, по своему образованию, своим вкусам он принадлежал уходящему миру, его видение будущего, предвидение и дальновидность делали Шамфора частью новой эпохи, что зарождалась в раскатах бурь.

Обладая такой двойной душой, Шамфор самым настоящим образом живёт одной судьбой с нами; и самому великому из всех его «современников», Томасу Манну, я от всего сердца посвящаю это начинание» [2: 385]. Рождённый и воспитанный в эпоху абсолютизма, впитавший её привычки и вкусы, Шамфор становится свидетелем революционного террора и ломки привычного мироустройства. Для Б. Франка обстоятельства жизни героя сопоставимы с его собственной судьбой и судьбой его современников, также вынужденных наблюдать гибель старого бюргерского мира, интеллектуального и утончённого, к которому они принадлежат по «своим предрасположенностям, по своему образованию, своим вкусам».

Жизнь Шамфора-писателя связана с книгой, и построение образа главного героя также обеспечивается мотивом книжности. Этот мотив связан как со

1 Здесь и далее перевод наш. — Е.К.

«старомодной» тонкой душевной организацией героя, так и прогрессивностью его взглядов. Принадлежность Шамфора к «старому» миру подчёркивается и тем, что он живёт в библиотеке, директором которой является и которая обставлена мебелью, изготовленной, «<...> вероятно, в начальный период правления предпоследнего короля <...>» [2: 386]. Библиотека как место хранения и сбережения задокументированного опыта прошлых поколений, казалось бы, по самой своей функции связана с «консервацией» уходящей эпохи. С другой стороны, она является средоточием непреходящих духовных ценностей.

Любопытно, что решение Шамфора приняться за автобиографию становится результатом внутреннего диалога с Горацием. Шамфор утверждает, что после попытки самоубийства он был полон решимости ничего более не писать. Засомневаться в своём решении его заставил горациевский гимн «Ad Melanephen», побудивший Шамфора задуматься о том, что и он, возможно, переживёт самого себя в собственных произведениях, а потому имеет смысл оставить для потомков автобиографические сведения [2: 389]. Показательно, что в своих рассуждениях Шамфор не называет Горация по имени. Автор «Ad Melanephen» для Шамфора «некто», а чаще — «друг». Подобное обращение стирает временную дистанцию между Шамфором и древнеримским поэтом. Называя Горация другом, Шамфор косвенно словно подчёркивает и свою собственную принадлежность уходящему миру.

С другой стороны, обращение «друг» привносит в отношения Шамфора и древнеримского поэта нечто доверительное. Гораций для Шамфора — близкий и равный, и Шамфору представляется, что в своём гимне античный поэт обращается лично к нему: «Не сотрётся навеки мой след, уверяет меня друг <...> «non omnis moriar» <...>» [2: 389]. Далее Шамфор обыгрывает своё духовное родство с Горацием, следующим образом характеризуя древнего поэта: «Он не кто попало, этот друг. Он не фантазёр, не болтун, и его суждения имеют вес» [2: 389]. Шамфор отзывается о Горации как о ком-то из ныне живущих, словно речь идёт о знакомом. Обиходные интонации в общении с классиком и даже некоторая фамильярность свойственны человеку с определённым уровнем образованности и склонностью к интеллектуально-эстетической игре. Внутренний диалог с Горацием и полусерьёзный-полуигровой рассказ об этом душевном переживании, включающий также и цитату на латинском языке, подчёркивают образованность и утончённость Шамфора, которая связывает его с миром литературной культуры абсолютизма. Тем самым книга в данном эпизоде связана с той частью души Шамфора, которая укоренена в прошлом.

В то же время Шамфор пишет: «А за моей спиной, я знаю, находятся просторные, уходящие в глубину библиотечные залы, в темноте которых на своих полках выстроились рядами, протянулись на многие и многие мили сотни тысяч томов — чернотой стёкшаяся в миллиарды букв кровь сердца тех, кто хотел заставить прислушаться, заставить опомниться и направить своих собратьев, что сбиваются в алчные толпы и спотыкаются на каждом шагу» [2: 386]. Собрание библиотечных книг Шамфор воспринимает, таким образом, не

как мёртвое свидетельство отжившего мира (которому принадлежит одна часть души героя), но и как условие возможного прогресса (за который в своём «видении будущего, предвидении и дальновидности» ратует Шамфор). Гуманистический пафос, проступающий в этом пассаже, характеризует Шамфора как мыслителя, устремлённого в будущее.

При этом топос библиотеки как вместилища нравственного потенциала человечества характеризуется новозаветными аллюзиями и, следовательно, скрытой трагичностью. Автор явно склоняется к метафорике распятия: буквы в книгах, чернила, которыми они написаны, оказываются «кровью сердца» тех, кто хотел чему-то научить человечество, вывести его на праведный путь. Трагичность усиливается и за счёт гиперболы: книжные полки тянутся «на многие и многие мили», здесь хранятся «сотни тысяч томов», и при всей этой накопленной мощи желание прогрессивных мыслителей вразумить род человеческий до сих пор остаётся нереализованным. Эта нереализованность, граничащая с несбыточностью, грамматически выражена в прошедшем времени (ср.: «<...> кровь сердца тех, кто *хотел*² заставить прислушаться, заставить опомниться и направить своих собратьев<...>»). В этом пассаже звучит разочарованность главного героя в возможности прогресса, которого он желает.

Таким образом, мотив книги и книжности в начальном фрагменте романа Б. Франка о Николя Шамфоре участвует в конструировании образа главного героя. Шамфор живёт на стыке двух эпох, абсолютистской и буржуазной, принадлежит одновременно ушедшему и наступившему времени, и мотив книжности усиливает представление о двойственности внутреннего мира Шамфора. С одной стороны, топос библиотеки, в которой живёт главный герой, по своей функции характеризуется как место сохранения прошлого. Связь главного героя с уходящей эпохой подчёркивается также его дружественным обращением с классиком древнеримской литературы Горацием. С другой стороны, Шамфор рассматривает книги, хранящиеся в его библиотеке, как теоретическую базу совершенствования человечества. Следовательно, мотив книжности связан и с устремлённостью главного героя в будущее, с его установкой на реализацию гуманистических идеалов, всю трагическую сложность которой осознаёт сам Шамфор.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kirchner S. Der Bürger als Künstler. Bruno Frank (1887 – 1945). Leben und Werk / Sascha Kirchner. – Düsseldorf: Grupello Verlag, 2009. – 416 S.
2. Frank B. Chamfort erzählt seinen Tod. Ein Fragment / Bruno Frank // Frank B. Ausgewählte Werke. – Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH, 1957. – S. 385 – 390.